

Хоть их и называли дальними братьями, Лю Чжэньцин знать не знал эту ветвь семьи Лю Сяочжу. Лишь краем уха когда-то слышал о ней от деда. Благодаря рассказам дворецкого Фулу и юного слуги Цзиньли, общая картина наконец прояснилась.

Если отмотать историю на несколько веков назад, они, разумеется, принадлежали к одному роду. Говорили, что среди предков Лю были и великие князья, и императорские наложницы. Более того, род Лю был материнским кланом единственного мужчины-императрицы в истории правящего Императорского рода Юань династии Чжоу. То была эпоха наивысшего расцвета империи, которую чужеземцы величали Вечной Небесной Обителью Богов — поистине легендарные времена. Именно тогда клан Лю взошел на вершину своего могущества.

Однако шли века, и род, разделяя судьбу династии, переживал то взлеты, то падения, пока наконец не покатился по наклонной. Раздоры внутри клана привели к неизбежному расколу.

Одна из ветвей обосновалась в императорской столице. Со временем ее древо увяло, а ветви поредели. Дед Лю Чжэньцина еще носил титул маркиза Шоуаня, но стоило появиться на свет самому Чжэньцину — печально известному на всю страну вероломному канцлеру, — как эта линия пресеклась окончательно и безоговорочно.

Другая же ветвь укоренилась на богатом юге, в Цзяннани, где вела дела унаследованного от предков Торгового союза семьи Лю, промышляя преимущественно речной и морской торговлей. Поскольку всякие связи между родственниками оборвались задолго до падения Лю Чжэньцина, его позор на них не наложил и тени. Более того, когда казна империи истощилась, цзяннаньские Лю щедро жертвовали средства на нужды государства, помогали голодающим беженцам и даже спонсировали снабжение армии семьи Хо. За такое благородство новый император осыпал их милостями, пожаловал звание придворных купцов и позволил обосноваться в столице. Так они сумели вернуть былое величие и возродить славу увядающего имени Лю.

Оттого и отношение к семье Лю в столице оставалось весьма неоднозначным. Все прекрасно помнили об их родстве с ненавистным вероломным канцлером Лю Чжэньцином, но навлекать гнев на безвинную ветвь никто не торопился.

Лю Чжэньцин должен был признать: нынешний глава цзяннаньской ветви оказался на редкость проницательным человеком. Он искусно воспользовался слухами, чтобы создать безупречную репутацию, и протянул руку помощи слабеющей империи в самый критический момент. Именно этот шаг уберег его близких от кровавой расправы, устроенной над сторонниками покойного канцлера.

Косые, полные недоумения взгляды воинов Армии семьи Хо, очевидно, объяснялись тем же запутанным клубком противоречий.

Судьба Лю Сяочжу во многом походила на его собственную: тот тоже рано лишился родителей и воспитывался дедом. Разница лишь в том, что Чжэньцин рос в усадьбе маркиза единственным наследником, не имея никакой другой родни, и с самых малых лет... блистал

талантами, ослепляя окружающих. Лю Сяочжу же ютился в окружении двух дядьев и целой оравы двоюродных братьев. К тому же парень с детства не проявлял рвения к учебе, торговая хватка у него отсутствовала напрочь, а все его помыслы занимали созерцание пейзажей, певчие птицы, аквариумные рыбки да безделушки из золота и нефрита. Одним словом, заурядность чистой воды.

В купеческом роду, лишенном дворянских титулов, богатство измерялось звонкой монетой. Разумеется, делиться нажитым никто не желал, особенно со старшим законным внуком, который умел только сорить деньгами. Оттого отношения в семье и натянулись до предела. Дворецкий Фулу выражался весьма осторожно и туманно, но вот у юного Цзиньли язык за зубами не держался.

— Это наверняка второй и третий господа замыслили отравить молодого хозяина! — в сердцах выпалил Цзиньли.

— Молчи! Без улик не смей языком чесать, — сурово оборвал его дворецкий. — Услышит кто твои бредни — живо без языка останешься.

— Дядюшка Фулу, вы ведь сами вырастили нашего молодого господина! Вы же любите его больше всех, как вы можете закрывать на это глаза? Кто еще, кроме них? Они вечно ядом исходят, только и умеют, что сироту шпынять! — от обиды на глазах мальчишки навернулись слезы.

Но старый дворецкий не мог позволить себе юношеской горячности. С тревогой взглянув на Лю Чжэньцина и явно опасаясь, что тот, вернувшись, закатит громкий скандал, он тихо спросил:

— Старший молодой господин, что вы думаете об этом?

Лю Чжэньцин, до этого момента безучастно разглядывавший через щелку в занавеске проплывавшие мимо знакомые столичные пейзажи, обернулся и с самым невинным видом пожал плечами:

— Я ведь лишился памяти, так откуда мне знать?

Медленно действующий яд — штука коварная. Его нужно подмешивать долго и регулярно, чтобы Лю Сяочжу угас постепенно, не вызывая подозрений. Разумеется, сотворить такое мог только кто-то из ближнего круга. И вряд ли на это отважился бы обычный слуга без прямого приказа господ. Так что круг подозреваемых сужался до пары человек. Дед, будучи тертым калачом, наверняка догадывался о происходящем, но вряд ли затеял бы открытое расследование — скорее всего, просто нашел бы козла отпущения, чтобы замять дело.

Сам Лю Чжэньцин собирался лишь намекнуть старику, чтобы тот приструнил сыновей и не мешал ему поправлять здоровье. Мстить за прежнего владельца тела он не собирался.

Жизненный опыт подсказывал: стоит лишь ввязаться в семейные распри, как погрязнешь в них по уши, пока не уничтожишь противника окончательно. А губить остатки рода Лю, пусть даже дальних сородичей, Чжэньцин не желал. Хотя в прошлой жизни его и считали безумцем, готовым ради прихоти вырезать собственную родню... Что ж, скрывать нечего: ему просто не хотелось тратить драгоценное время и силы на чужие дразги.

Спутники Лю Чжэньцина заметно приуныли и сочувственно уставились на своего господина.

— Потеря памяти — тоже их рук дело! Это они наняли разбойников, чтобы похитить вас! — сквозь зубы процедил Цзиньли.

— Мы все думали, что молодой господин просто случайно попался на глаза грабителям, когда вышел в город, — со вздохом заговорил дворецкий. — Когда те потребовали выкуп, я умолял второго и третьего господ известить главу семейства. Идти на поводу у преступников слишком опасно! Но господа побоялись, что сердце старого господина не выдержит такого удара, и решили уладить всё сами. Их было не остановить. И что в итоге? Деньги передали, а эти негодяи нарушили слово. Если бы стража не схватила мерзавцев, мы бы и не узнали, что это было умышленное покушение, замаскированное под похищение ради наживы! И ведь вытянули из нас выкуп, твари подлые! Но, говоря начистоту... старый слуга не пытается выгородить хозяев, однако на похищение они бы точно не решились.

Если с ядом всё выглядело правдоподобно, то планировать похищение им не имело смысла — захоти они избавиться от парня столь грубым образом, сделали бы это еще много лет назад. Хотя то, что они намеренно затягивали дело, отрицать не стоило.

Заказное убийство под личиной похищения... Родственников Лю Сяочжу действительно можно было вычеркнуть из списка подозреваемых. Но вот то, что за ниточки дергал кто-то из знакомых покойного юноши — факт очевидный. Наверняка близилось какое-то важное событие или Лю Сяочжу умудрился перейти дорогу кому-то влиятельному, раз от него решили избавиться столь торопливо и жестоко.

Любопытство слегка разыгралось, но Чжэньцин быстро вернулся к своему любимому правилу: не лезть на рожон. К чему лишние заботы? Моя хата с краю, я ничего не помню.

Старому Фулу изрядно припекло уши от непрерывного ворчания слуги, и он поспешил переменить тему:

— В этот раз спасением мы обязаны воинам армии семьи Хо. Когда вернемся, старый господин непременно отправит им щедрые дары в знак признательности.

— Точно! — глаза Цзиньли мгновенно загорелись восторгом. — Прямо как в тех любовных романах, где герой спасает красавицу! Молодой хозяин, а вы видели генерала Хо?

«Мальчишке бы язык укоротить за такие сравнения. Какая еще красавица? И чего он так

раздухарился?»

Лю Чжэньцин лишь состроил предельно глупое и растерянное выражение лица.

— Ах, совсем забыл, что вы ничего не помните. Какая жалость, — разочарованно протянул Цзиньли.

Зато дворецкий заметно приободрился. На его лице отразилось точно такое же выражение облегчения, с каким ранее щеголял помощник генерала Мо Ци.

— Кхм... Учитывая весьма щекотливые отношения между нашими семьями, держаться от них подальше — благо для всех нас. То, что вы позабыли о нем, даже к лучшему. А долг признательности мы вернем сами, без вашего участия.

— Да как же так! Он ведь прославленный Великий генерал, защитник государства! К тому же наш молодой господин всегда...

Договорить Цзиньли не успел — дворецкий одарил его столь свирепым взглядом, что парень осекся на полуслове.

— Если так восхищаешься генералом — иди и запишись в его армию, а молодого господина в свои глупости не впутывай!

Цзиньли перевел взгляд на безучастного Лю Чжэньцина. Ему явно не терпелось высказать всё, что вертелось на языке, но под тяжелым взглядом Фулу он лишь робко спросил:

— Молодой хозяин, неужели у вас совсем нет ко мне вопросов?

Странное поведение слуг вызвало смутные подозрения, но, честно говоря, ворошить чужие секреты Лю Чжэньцину не хотелось.

— Пожалуй, один вопрос у меня есть.

Цзиньли весь подался вперед, преданно заглядывая в глаза господину.

— Это я дал тебе такое имя?

Слуга опешил и растерянно кивнул.

— Отличный выбор, — удовлетворенно кивнул Лю Чжэньцин. — Ну-ка, повернись разок.

Обреченно крутясь на месте по велению хозяина, Цзиньли пребывал в полном недоумении. Неужто молодой господин совсем повредился рассудком?

У ворот поместья Лю их уже поджидала внушительная толпа. Судя по всему, на порог высыпали все домочадцы. Лица собравшихся так и пестрили самыми разными эмоциями, из которых искренней заботой не пахло и в помине. По расположению фигур, одежде и возрасту Лю Чжэньцин без труда определил, кто есть кто, но разыгрывать радушные приветствия не собирался. Напустив на себя вид испуганного, потерянного калеки, он настороженно уставился на родственников.

— Дитя мое, сколько же тебе пришлось вытерпеть... Весь изранен... Ну же, дай второму дяде взглянуть на тебя. Сейчас мы позовем лучших врачей, подберем самые дорогие снадобья!

«Лицемерная скотина», — мысленно усмехнулся Лю Чжэньцин, узнав в говорившем второго господина Лю.

— Я же велел тебе не шататься где попало! Из-за твоей глупости в доме покоя нет. А если бы ты деда до инфаркта довел? Никакого почтения к старшим!

«А это, стало быть, крикливый и недалекий третий господин Лю.»

Лю Чжэньцин пропустил его вопли мимо ушей и перевел взгляд на главу семейства.

Беловолосый старый господин Лю при виде внука заметно вздрогнул. На его строгом, иссеченном морщинами лице промелькнуло мимолетное волнение, которое он поспешил скрыть за привычной суровостью.

— Что застыл как истукан? Ни слова не вымолвишь? — нахмурившись, спросил старик, оглядывая его с ног до головы.

Дворецкий торопливо подошел к хозяину и что-то зашептал ему на ухо. Старик мгновенно переменился в лице и резким взмахом рукава приказал всем разойтись по местам и не мозолить глаза у порога.

Когда они собрались в главном зале, Лю Чжэньцина бережно усадили в кресло. Остальные домочадцы так и остались стоять, недоуменно переглядываясь. Лишь когда старый господин велел Фулу поведать о состоянии здоровья старшего внука, лица присутствующих исказила целая гамма непередаваемых чувств.

Вскоре прибыл самый именитый столичный врач. Ознакомившись с рецептом, оставленным врачом Таном, он подтвердил, что лечение подобрано безупречно. Лишь тогда старик вздохнул с облегчением, а прежнего домашнего врача тут же приказал взять под стражу.

После всей этой суеты притихшие родственники продолжали покорно стоять, а Лю Чжэньцин с истинным удовольствием наблюдал за этим безмолвным представлением. Картина вырисовывалась предельно ясная.

Вскоре к старому господину подошел доверенный слуга и что-то прошептал. Старик окинул присутствующих грозным взглядом и объявил, что схваченный домашний лекарь сознался под допросом: он сознательно подрывал здоровье молодого господина медленным ядом, чтобы потом чудесным образом исцелить его и выбить из семьи побольше денег. Преступника уже передали в руки правосудия.

Лю Чжэньцин неспешно отхлебнул чай, пряча за чашкой ироничную усмешку. Отказаться от тайного дознания, устроить показательную порку и выставить все как обычную алчность лекаря... Всё вышло в точности так, как он и предполагал. Старик решил не раздувать семейный скандал и предпочел замять дело, выдав родственникам суровое предупреждение.

Сберечь покой семьи оказалось важнее, чем восстановить справедливость ради никчемного старшего внука. Жестокое, но весьма прагматичное решение.

Теперь, когда старый господин знал имя настоящего заказчика, виновники вряд ли посмеют пойти на новые безумства, пока старик жив. По крайней мере, они уяснили, что попали под строгий надзор.

— Что же касается покушения, — нахмурился глава семейства, тщетно пытаясь разгадать этот ребус. — Завтра же второй и третий отправятся в управу и разузнают у префекта все подробности.

Оба брата поспешно закивали, но старик одарил их тяжелым взглядом:

— А после зайдете ко мне в кабинет. Разговор есть.

Лица сыновей мгновенно скисли, они тревожно переглянулись.

Старик обернулся к Лю Чжэньцину и сказал несколько теплых слов. Заметив, однако, что во взгляде внука больше нет прежней преданности и обожания, он с легкой грустью вздохнул:

— Ступайте все по своим делам, нечего здесь толпиться. Сяо-Чжу нужно как следует отдохнуть.

Обе тетушки тут же бросились к Лю Чжэньцину, изливая на него потоки фальшивой заботы. Помня о его беспамятстве, они принялись наперебой представляться.

Лю Чжэньцин ласково улыбнулся той, что причитала громче всех:

— Вторая тетушка, я ведь еще не испустил дух. Вам не стоит так рано оплакивать меня.

На ухоженном лице второй тетушки застыла маска неподдельного ужаса. Будучи хозяйкой дома ввиду отсутствия старой госпожи, она привыкла к беспрекословному почтению, да и ее собственная семья вела важные дела с кланом Лю.

— Лекарь ведь сказал, что яд скоро выйдет из тела, — невинно добавил Лю Чжэньцин. — Так что страдать мне осталось недолго.

Женщина окончательно потеряла дар речи, едва сдерживая ярость.

Вернувшись в изящный дворик Лю Сяочжу, Лю Чжэньцин с наслаждением погрузился в теплую воду, смывая дорожную пыль. Слуги аккуратно сменили ему повязки, поднесли горькое снадобье, и он наконец растянулся на мягкой постели. Несмотря на ломоту в теле, на душе у него впервые за долгое время воцарился покой.

В этот раз он намеревался проспать до самого полудня.

Однако стоило ему устроиться поудобнее, как затылок наткнулся на что-то твердое под подушкой. Пошарив рукой, он выудил наружу... военный трактат.

«Трактат по военному искусству? — Лю Чжэньцин растерянно моргнул. — Неужто этот изнеженный богатый бездельник увлекался стратегией? Или он только притворялся дурачком?»

Слегка заинтригованный, он хмыкнул и открыл первую страницу.

В графе автора значилось имя: Хо Фэнле.

«Чжаньюань? Разве это не второе имя Хо Фэнле? Значит, эту книгу написал он?»

Не успел Лю Чжэньцин углубиться в размышления, как со двора донесся громкий шум.

Он наострил уши и уже собирался позвать слуг, как вдруг дверь распахнулась, и в комнату кубарем влетел бедный Цзиньли.

Следом за ним, бесцеремонно нарушая все приличия, ворвались двое высокомерных молодых людей. Лю Чжэньцин припомнил, что видел их среди встречавших — то были сыновья его дядьев.

— Лю Сяочжу! — взревел один из них, брызжа слюной от ярости. — Из-за твоей глупости тебя

похитили разбойники, а виноватыми выставили нас? С какой стати мы должны отдуваться за твои беды?!

— Вот именно! — поддакнул второй. — Мы с братом и пальцем тебя не трогали, а ты побежал жаловаться деду и оклеветал нас! Из-за твоей подлости нам обоим влетело!

Цзиньли мгновенно загородил собой хозяина:

— Второй молодой господин, третий молодой господин! Наш хозяин лишился памяти, он никак не мог на вас донести! Прекратите распускать руки!

— Если он не ябедничал, с чего бы тогда отец меня избил?! — выкрикнул старший из братьев, указывая на багровый след от пощечины на щеке.

— Мало того, что меня выпороли, так еще и заставили переписывать трактаты, да к тому же лишили карманных денег на целый месяц!

Да уж, обида у ребят накалилась нешуточная. Очевидно, разгневанные отцы сорвали злость на собственных отпрысках, решив на всякий случай проучить их, дабы те не смели даже думать о заговорах против кузена. Вот недотепы и прибежали искать виноватого.

Лю Чжэньцин, одетый в простую белоснежную нижнюю рубаху, сидел на постели, скрестив ноги. Темные пряди волос небрежно падали ему на плечи. Подперев щеку ладонью, он с ленивым любопытством выслушал их вопли, а затем не спеша проговорил:

— Я хоть и потерял память, но, насколько мне известно, за такое непочтительное отношение к старшему брату дедушка вас по головке не погладит. Не боитесь схлопотать еще раз?

Этот спокойный, почти детский вопрос подействовал на незваных гостей как ушат ледяной воды.

— Ты... ты опять угрожаешь нам доносом?!

Лю Чжэньцин наклонил голову набок:

— А почему бы и нет? Разве вы ведете себя подобающим образом?

Братья онемели от изумления. Прежний Лю Сяочжу всегда безропотно сносил их издевательства, а теперь этот наглец смел смотреть на них свысока и грозить расправой. Они лишь дрожащими пальцами тыкали в его сторону.

— Цзиньли, ступай к дедушке, — ровным тоном скомандовал Лю Чжэньцин. Заметив, как исказились злобой лица кузенов, готовых броситься на него с кулаками, он хладнокровно добавил: — Посмотрим, кто окажется быстрее: дедушка, который прибежит на мой зов, или вы двое, если вздумаете забить меня до смерти.

Лица парней налились пунцовой краской. Они застыли на месте, тяжело дыша, словно загнанные в угол звери.

Цзиньли звонко отозвался и уже сделал шаг к двери, как его поспешно перехватили.

— Да стойте вы! Мы просто пришли прояснить ситуацию, никто тебя бить не собирался!

— Вот именно! Мы и пальцем тебя не коснулись, просто хотели сказать, что к похищению непричастны!

Лю Чжэньцин удовлетворенно улыбнулся и сделал приглашающий жест рукой, безмолвно веля им убираться.

Однако уходить с пустыми руками кузены не желали. Сгорая от досады, второй молодой господин внезапно зацепился взглядом за военный трактат, лежащий на краю постели. На его лице тут же расплылась злорадная усмешка.

— О, глядите-ка! Все еще читаешь труды генерала Хо? Никак не угомонишься?

Третий кузен мигом подхватил издевку:

— Да тут дело не в упрямстве, а в полном отсутствии инстинкта самосохранения! Не думай, будто спасение от рук воинов Армии семьи Хо было чем-то особенным. Они просто выполняли свой долг, не более.

Судя по их торжествующим физиономиям, они надеялись уязвить его до глубины души. Сам Лю Чжэньцин не совсем понимал мотивы их нападок. Неужто Лю Сяочжу тоже фанател по генералу Хо, как и его слуга Цзиньли?

Взглянув на лежащую рядом книгу, он признал, что такая вероятность весьма велика. Вот только эти двое недалеких юношей позабыли об одной важной детали: перед ними сидел человек, который ничего не помнил.

— Мы ведь желаем тебе добра, братец, — ядовито процедил один из них. — Советуем оставить эти глупые надежды, пока жив. Учитывая кровавую вражду между нашими семьями, будь осторожен: генерал Хо может однажды потерять терпение и просто перерезать тебе горло.

Взгляд Лю Чжэньцина мгновенно посуровел. Напоминать об этом ему точно не требовалось. Перед своей смертью он успел провести несколько дней в бесплотном облике и прекрасно видел, какую лютую ненависть питали к нему воины Армии семьи Хо и вся их семья.

В народе поговаривали, будто он предал и сгубил старшего брата Хо Фэнле из-за личной обиды — якобы тот увел у него невесту, бывшую младшую сестру-наставницу Ли Синжо. На самом же деле Чжэньцин сам расторг помолвку, чтобы соединить любящие сердца. Но толпа, разумеется, видела всё в ином свете. И хотя Хо Фэйхань знал правду... гибель десяти тысяч верных воинов Армии семьи Хо лежала тяжким грузом на совести Лю Чжэньцина. Это было его виной, его вечным проклятием. Оттого он и боялся пуще смерти смотреть в глаза Хо Фэнле.

Тот имел полное право презирать его и всех, кто носил фамилию Лю.

На губах Лю Чжэньцина заиграла горькая усмешка:

— Вот как? Что ж, буду иметь в виду.

Его спокойный ответ привел братьев в замешательство. Они ожидали слез и заверений в вечной любви, а получили безразличное согласие. Решив во что бы то ни стало напугать кузена, второй молодой господин зловеще прошептал:

— Тогда тебе стоит запомнить еще кое-что. В свое время наш дальний родственник, мерзавец Лю Чжэньцин, предал и погубил Великого маршала Хо Фэйханя. Когда этот предатель наконец испустил дух, а генерал Хо вернулся с победой и узнал правду, он лично приказал раскопать могилу Лю Чжэньцина, вытащить его труп, изрубить на куски, предать огню и развеять прах по ветру! Теперь ты понимаешь, насколько сильно генерал Хо ненавидит всех нас?

Тело Лю Чжэньцина мгновенно оцепенело. Кровь в жилах словно превратилась в лед. Если бы не сильная потеря крови, из-за которой он и так походил на мертвеца, его лицо сейчас лишилось бы последних красок.

«Неужто... настолько жестоко?»

«Неужели это сотворил тот самый Хо Фэнле, которого я помнил?»

Сердце в груди Лю Чжэньцина заколотилось как безумное, но он заставил себя выдавить хриплый смешок.

Разница в возрасте между ним и Хо Фэйханем составляла всего год, но вот Хо Фэнле был младше его на целых десять лет. Для Чжэньцина он всегда оставался несмышленным ребенком, младшим братишкой его лучшего друга, которого он когда-то искренне любил и оберегал. Конечно, в последние годы перед смертью они почти не виделись, отдалившись друг от друга.

Так что желание отомстить за гибель брата и павших воинов вполне укладывалось в логику Хо Фэнле. Что сделано — то сделано, покойнику уже все равно. Перетерпев первый шок, Лю Чжэньцин быстро вернул себе самообладание.

Он опустил ресницы, скрывая блеснувшую в глубине глаз грусть. Кузены решили, что парень просто ошалел от ужаса.

Стоявший рядом Цзиньли расслышал лишь тихий, едва различимый шепот господина:

«Надо же, Эрдгоу... Стоило войти в силу, как тут же побежал покойников тревожить. Погоди у меня, я твоему брату на том свете все уши прожужжу, как ты за мою заботу отплатил. Неблагодарный щенок...»

Слуга испуганно уставился на хозяина, окончательно уверившись, что у того помутился рассудок.

— Хватит... Прекратите говорить об этом, молодому господину нехорошо! — взмолился Цзиньли.

Видя, что их слова возымели действие, кузены самодовольно переглянулись. Лю Чжэньцин поднял голову и с самым беспечным видом произнес:

— О, теперь понятно. Но вам двоим тоже стоит поберечься. Мы ведь все носим фамилию Лю, так что в глазах генерала ничем друг от друга не отличаемся. Вдруг у него однажды испортится настроение, и он решит вырезать наш клан под корень?

Услышав это, братья покатались со смеху.

— Ха-ха-ха! Сразу видно, что ты совсем ничего не помнишь!

— Ну и уморил! С какой стати генералу трогать нас, если мы не даем ему поводов для гнева? Мы не лезем к нему с глупостями и не мозолим глаза, в отличие от тебя!

— Что? — Лю Чжэньцин нахмурился, чувствуя подвох.

Один из кузенов смерил его презрительным взглядом и выплюнул полные издевки слова:

— Ты, жалкий обрезанный рукав, позабыл, как два года назад влюбился в генерала Хо с первого взгляда и прилюдно признался ему в своих чувствах?

— Все эти два года, стоило генералу показаться в столице, ты тенью следовал за ним. То

караулил у ворот его поместья, то пытался прорваться в военный лагерь, совершенно потеряв стыд! Весь город только и делал, что потешался над твоим безумием.

— Будь я на месте генерала Хо, давно бы снес тебе голову за такую наглость. Родственник убийцы его брата смеет зариться на его ложе! С ума сойти можно. То, что он вообще спас тебя из плена — чистой воды милосердие.

«Что они несут? Кажется, у меня начались слуховые галлюцинации...»

Военный трактат под подушкой, странные намеки слуг и дворецкого, полные презрения взгляды офицеров Армии семьи Хо...

Вот оно что! Вот почему все так радовались его амнезии!

«О небо!..»

Бледные щеки Лю Чжэньцина стремительно залила краска. Лицо его буквально пылало от невыносимого, дикого стыда.

Хо Фэнле, этот сопливый мальчишка, которого он когда-то нянчил, оказался объектом страсти его нового тела! Он... бегал за ним как преданная собачонка!

«О великие боги, разверзните землю и поглотите меня прямо сейчас! Желательно вместе со всей этой нелепой вселенной!»

Знать, что твой прах развеяли по ветру — сущие пустяки по сравнению с этим позором! Сердце готово было выпрыгнуть из груди от ужаса.

Ну и шутку сыграла с ним судьба.

Тем временем братья Мо Юй и Мо Ци, завершив зачистку лагеря похитителей, вернулись в генеральское поместье с докладом.

Один из вопросов требовал личного решения командующего.

— Генерал, наши люди при прочесывании склонов обнаружили тайник с золотом и драгоценностями, — доложил Мо Юй. — Неясно, принадлежит ли это добро разбойникам или же спрятано кем-то другим.

— Даже если тайник чужой, добро явно нажито нечестным путем, — вставил Мо Ци. — Благопристойные люди не станут закапывать богатства в лесной глуши.

Хо Фэнле, увлеченно двигавший фигурки на тактическом столе, ответил не задумываясь:

— Передайте всё префекту. Если хозяин не объявится — обратите в пользу государственной казны.

— Слушаемся!

Мо Ци на мгновение замешкался у порога. Ему пришла в голову мысль, не принадлежало ли это золото тому самому изнеженному молодому господину Лю, который при встрече вел себя на удивление тихо. Но, поразмыслив, он отменил эти сомнения: богатенький наследник Лю Сяочжу понятия не имел о цене денег, вечно разбрасывал драгоценные побрякушки и вряд ли стал бы утруждать себя копанием ям ради спасения золотых монет. Если префект объявит розыск, истинный владелец сам объявится.

На следующий день второй и третий господа Лю явились в управу префекта, чтобы прояснить ход расследования дела о похищении. Там же им мимоходом показали найденный узелок с ценностями, завернутый в грязное тряпье. Родственники сразу признали вещи племянника, но, прослышав, что не востребованное добро отойдет Армии семьи Хо, поспешили проявить мнимое благородство и заявили, что семья Лю не станет претендовать на эти крохи. Деньги — прах, пускай храбрые воины забирают себе.

В это же время Лю Чжэньцин, спавший без задних ног, внезапно подскочил на постели в холодном поту. Схватившись за голову, он испуганно пробормотал:

— Какое счастье, что это всего лишь кошмар... Оскверненная могила, позорная погоня за генералом — всё это бред, глупый сон... Пойдите-ка. Какой к черту сон?! Вон же лежит книга этого негодяя!

Сил страдать больше не осталось. Хотелось просто исчезнуть.

Лю Чжэньцин с головой зарылся в одеяло. Он твердо решил: как только раны заживут, он соберет пожитки и навсегда покинет императорскую столицу.

Пусть он не сможет унести с собой всё состояние Лю Сяочжу, но золота, припрятанного им на черный день в лесу, с лихвой хватит на безбедную жизнь в глуши.

Он уедет далеко-далеко, туда, где никто не знает его имени! И никакая сила в мире его не удержит!

<http://bllate.org/book/20542/2106333>